

МАГИЧЕСКИЕ **РОМАНЫ**

Читайте цикл «ЛОЖНЫЕ БОГИ»:

НЕВЕСТА СМЕРТИ
ПРИШЕДШАЯ С ТУМАНОМ
ИЗБРАННАЯ СТРАЖЕМ

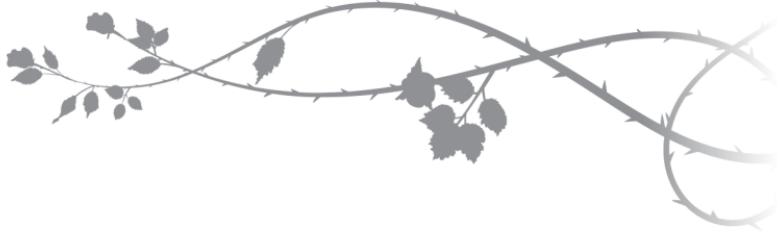
Дилогия «Награда для генерала»:

ШЕПОТ ВЕТРА
КРАСНЫЕ ПЕСКИ

Цикл «Академии Содружества»:

НАПАРНИЦА ДРАКОНА
ИЗБРАННИЦА ДРАКОНА
ТАЙНА РЕКТОРА

Лена ОБУХОВА

АКАДЕМИЯ ГОРГУЛИЙ
НА ПАРНИЦА
ДРАКОНА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
О-26

Редактор серии *Екатерина Дмитриева*

Иллюстрация на обложке *Натальи Афанасьевой*

Оформление серии *Александра Андреева*

Обухова, Елена Александровна.

О-26   Академия Горгулий. Напарница дракона / Лена Обухова. — Москва : Эксмо, 2025. — 352 с.

ISBN 978-5-04-215276-4

Учителя часто говорили Нике Матвеевой, что по ней тюрьма плачет, поэтому, очнувшись после вечеринки в переулке рядом с тремя окровавленными трупами, она испугалась обвинения в убийстве. Дядя, в семье которого она выросла, решил спрятать ее... в другом мире под присмотром директора Академии Горгулий. Это самое странное учебное заведение, которое Нике доводилось видеть: в одиннадцать вечера здесь звонит колокол, и горе тому, кто остался на улице после его ударов. По коридорам ночью бродят какие-то люди, а прямо за стенами начинается Мертвый лес, вход в который заказан, как и в закрытую часть замка. А это значит, что непременно надо везде побывать! Ведь вокруг столько тайн, которые так и просят, чтобы их раскрыли! В таком деле без надежного напарника никак не обойтись, и у Ники уже есть один на примете. Правда, он ее преподаватель, да и тайн у него своих хватает, но тем интереснее.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-215276-4

© Обухова Е., 2025

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Глава 1

Главное правило моей жизни гласит: «Если что-то может пойти не так, оно обязательно пойдет». Поэтому я ничуть не удивилась, когда в дороге нас застал проливной дождь, а карета — или, правильнее сказать, экипаж? — попала колесом в выбоину незадолго до того, как мы достигли цели нашего путешествия.

Пока кучер и мой провожатый пытались вытащить застрявшее в яме колесо, осторвленные струи дождя медленно просачивались сквозь заговоренную ткань непромокаемого (как заверили нас в городе) плаща, а я стояла и смотрела на возвышающийся впереди замок.

Он был уже совсем близко, казалось, руку протяни и коснешься, но на самом деле мы не добрались даже до поселения, образовавшегося у его подножия. Зато с такого расстояния громадное здание было видно даже лучше. Дальше дорога шла все время немного вверх. Хотя вокруг нас уже сгостились сумерки, сам замок отчетливо выделялся на фоне неба, подсвещенного последними лучами исчезнувшего за горизонтом солнца. Мне были видны контуры многочисленных башен, увенчанных острыми шпилями, но я, конечно, не могла разглядеть силуэты мерзких каменных тварей, давших этому месту свое имя.

Замок Горгулий. В прошлом это наверняка была какая-нибудь крепость, принадлежавшая кому-то из подданных короля... или кто ими тут правил раньше? Сейчас же здесь размещалась не то школа, не то академия. Или университет. Подробности мне еще только предстояло выяснить. Пока наверняка я знала одно — внутри замка меня ждет мужчина, с которым я уж и не чаяла однажды свидеться. А вместе с ним ждет и новая жизнь. Поскольку я пока не понимала, к добру это или к беде, перспектива меня пугала.

Размышления и страхи, терзавшие последние два дня, вновь так захватили, что я не заметила, как колесо все-таки вытащили из ямы, а провожатый подошел ко мне.

— Можем ехать дальше, — сообщил он, тронув за плечо.

От неожиданности я дернулась и едва не вскрикнула. Двое суток почти не спала, и нервы были уже ни к черту!

Провожатый посмотрел с укором и ворчливо добавил:

— Надо поторопиться.

Поселение мы пересекли быстро, я едва успела его заметить. По дороге, кажется, не встретили ни одной живой души. Впрочем, если учитывать ливень и поздний час, то это было вполне естественно. Лошади вскоре заметно устали: им и так пришлось преодолеть немаленькое расстояние сегодня, а необходимость тащить карету в пусть и пологую, но все же горку окончательно подкосила, и теперь мы двигались медленнее. Меня рвали на части два противоречивых желания: поскорее добраться, чтобы переодеться, согреться и в идеале поужинать, и снова застрять в колдобине, чтобы еще немного отложить судьбоносную встречу.

Кучер явно был сторонником первого желания: чем ближе к замку мы подъезжали, тем настойчивее он подстегивал лошадей. В этом чувствовалось нечто нервное и зловещее. Особенно когда в вечерней тишине, нарушающей лишь шуршанием дождя, раздался звонкий и почему-то тревожный удар колокола. Один, другой, третий... Всего я насчитала одиннадцать.

У кучера от колокольного звона окончательно сорвало крышу. Он принял безжалостно стегать несчастных животных, подгоняя их теперь еще и криками, пока те не разогнались так, что карету зашатало на ухабах. Я заметила, как мой провожатый — немолодой мужчина с постоянно недовольным лицом и всклокоченными седыми волосами — стиснул зубы и сцепленные в замок руки. Мы всю дорогу сидели в экипаже друг напротив друга, и я впервые заметила столь яркие проявления нетерпения с его стороны. Может быть, ему в туалет приснуло? При такой тряске немудрено.

Но едва мы влетели в гостеприимно распахнутые ворота, он сразу заметно расслабился и выдохнул. А потом высунулся из маленького окошка, чтобы коротко переговорить с охраной.

— Мы к господину Колту, он нас ждет, — сообщил провожатый, протянув охраннику свернутую в трубочку бумагу.

Никаких вопросов к нам не возникло, и мы спокойно проехали дальше по внутреннему двору: кучер подвез нас к самым дверям основного строения замка.

Вскоре я оказалась в просторном, темном и достаточно пустынном холле. Освещение здесь на самом деле было: под потолком висели люстры с — внезапно! — лампочками, а не свечами, но горели далеко не все. Света хватало, чтобы ориентироваться в помещении, но его было гораздо меньше, чем я привыкла. От этого все вокруг казалось мрачным и угрожающим, а ба-

рабаняющий по стеклам окон дождь лишь усугублял гнетущее впечатление.

— Ждите здесь, — велел провожатый. И ткнул указательным пальцем в пол, словно уточняя место, на котором я должна была дожидаться его возвращения. — Никуда не ходите. Я узнаю у директора, готов ли он вас принять.

Я безразлично кивнула, даже не задавшись вопросом, какого черта Колт может быть не готов. Слишком устала для таких мыслей. В голове было пусто, только тупая и ноющая боль нудно постукивала молоточками по мозгам.

«Наверное, это все-таки школа, — меня хватило только на этот гениальный вывод. — Раз директор. У академий и университетов ректоры ведь...»

Провожатый проигнорировал широкую лестницу, ведущую из холла на верхние этажи, и исчез в полутьме коридоров. Вскоре стих и звук его шагов, я осталась в безмолвном холле одна. Стащила с себя мокрый, а потому холодный и тяжелый плащ, но не нашла, куда его пристроить: ни вешалки, ни тумбочки, ни даже шаткой табуреточки поблизости не наблюдалось.

Мне, конечно, сказали оставаться на месте, только когда меня это останавливало? Особенно если я находила оправдание не слушаться, а в этот раз и искать не пришлось, я буквально держала его в руках. В весьма озябших, несмотря на первые дни лета, руках.

Приметив справа от себя арку, я нырнула в нее и попала в холл поменьше. Такой же темный, пустой и унылый, но здесь нашлось окно. А еще — весьма внушительный подоконник, на который я и пристроила плащик, сложив его пополам. Теперь я хотя бы смогла растереть друг о друга ледяные ладони.

Я едва успела разогнать кровь по мерзущим косточкам, когда мое внимание привлек приглушен-

ный шум. Он доносился не из большого холла, откуда я пришла, а из-за приоткрытой двери в противоположном конце помещения. Я шагнула к ней, не задумываясь, хотя и понимала, что чем дальше ухожу, тем труднее будет вернуться так, чтобы мое отсутствие не заметили. Не говоря о том, что я рисковала и вовсе заблудиться или забрести туда, куда не следует. Но любопытство, как всегда, оказалось сильнее меня, а сегодня к нему примешалось еще и тянувшее чувство, внезапно появившееся в груди. Словно кто-то дернул за невидимую ниточку и повел меня вперед.

Помещение за дверью было еще меньше того, в котором остался мой плащ, но оно все равно выглядело достаточно просторным. Стена здесь шла полукругом, несколько узких стрельчатых окон располагались на небольшом расстоянии друг от друга. На одном из широких подоконников спиной к входу сидел молодой мужчина в черных брюках и белой рубашке. На коленях у него лежала раскрытая книга, довольно толстая и на вид старая, хотя читать при таком освещении я бы никому не порекомендовала: можно и без глаз остаться.

Впрочем, он, вероятно, лишь делал вид, что читает, поскольку бутылка в его руке была подозрительно похожа на винную, и он весьма жадно к ней прикладывался. Потом вдруг с громким стуком поставил на подоконник рядом с собой, туда же отложил книгу и встал, слегка пошатнувшись.

Я испуганно отпрянула, опасаясь быть замеченной, но мужчина так и не обернулся к входу, не бросил на дверь ни одного взгляда. Зато мне теперь стало лучше видно, что он довольно высок и широк в плечах, хоть и худощав. Длинные черные волосы, достающие практически до лопаток, были перехвачены лентой, но пребывали в беспорядке, многие пряди выбились, сама лента небрежно съехала.

Мужчина повернулся ко мне боком, демонстрируя изящный профиль, растер лицо руками, потом ладони друг о друга, словно они у него тоже замерзли, и слегка поддернул и без того закатанные до середины предплечья рукава. Потом поднял ладони, держа пальцы так, будто они лежали на поверхности невидимой сферы, немного пошевелил запястьями, поглаживая ее.

В пространстве между его руками вспыхнул огонек, в секунды разросся в большой огненный шар, который в свою очередь, повинуясь движению рук, попытался закрутиться в вихрь, но что-то вдруг пошло не так. На тонких запястьях мужчины вспыхнули холодным светом символы и линии, опоясывающие их словно браслеты. Сам он болезненно охнул и досадливо поморщился, а огненный вихрь в его руках погас.

Что-то пробормотав себе под нос, мужчина потянулся к бутылке и снова приложился к ее горлышку. И вдруг насторожился, словно что-то услышал или почуял, резко обернулся ко мне.

Я успела отступить на несколько шагов, а потом и вовсе развернулась, собираясь направиться обратно в большой холл, но едва не вскрикнула, обнаружив прямо перед собой недовольное лицо провожатого.

— Вам было велено никуда неходить, — напомнил он сварливо. Не дожидаясь моих оправданий, добавил: — Господин Колт вас ждет. Я провожу.

И вновь ему не потребовалась ни моя реакция, ни какой-либо ответ. Он просто зашагал прочь, не оглядываясь и не проверяя, следую ли я за ним. Конечно, я последовала. Куда бы я делась? Я зашла уже слишком далеко, чтобы сейчас останавливаться.

Меня провели узкими коридорами, света в которых было еще меньше, чем в холлах, к одной лестнице, потом к другой, в итоге мы оказались в какой-то башне, где снова поднимались по лестнице, закручивающейся

спиралью. Я с ужасом понимала, что без провожатого никогда не смогу выбраться из этого здания. Но едва ли мне предстояло в скором времени отсюда уйти.

Наконец мы остановились перед массивной дверью, на которую мужчина и указал. Мол, тебе туда, детка. После чего просто ушел, не дожидаясь, когда я войду. Ему, наверное, было все равно, переступлю я порог или нет. Его делом было привести меня сюда.

Глубоко вздохнув, я по привычке постучалась, потом мысленно выругалась на себя. Меня же ждут, *готовы принять*. Решительно толкнув дверь, я вошла.

И оказалась в кабинете. Здесь верхний свет не горел вовсе, только лампа на столе, заваленном бумагами и книгами, и парочка бра на стенах по углам комнаты. Кресло за столом пустовало, поэтому я скользнула взглядом по помещению, ища хозяина кабинета.

Он обнаружился у окна. Стоял спиной ко мне, смотрел, по всей видимости, на капли дождя, стекающие по стеклу. Они занимали его больше. Или ему просто тоже хотелось немного отодвинуть мгновение встречи лицом к лицу.

Я могла только сверлить взглядом его спину. Широкую, прямую. Господин Колт тоже был высок, как и неизнакомец внизу, но вся его фигура казалась более внушительной.

Наконец он обернулся и хмуро посмотрел на меня. На вид ему трудно было дать даже сорок, но я точно знала, что должно быть немного больше. Волосы у него тоже были черными и длинными, но по левую сторону от пробора лежала широкая седая прядь, а кончики едва доходили до плеч.

Наверное, нужно было что-то сказать, но я могла лишь смотреть на него. Энгард Колт тоже не торопился начинать разговор и с не меньшим интересом разглядывал меня. Возможно, как и я, он сейчас прислушивался

к себе и пытался обнаружить хотя бы искорку тепла, которое нам следовало испытывать друг к другу. Не знаю, как были его успехи, а я пока ничего подобного не находила.

Его взгляд остановился на моих глазах, Колт шагнул навстречу и даже попытался изобразить нечто похожее на радушную улыбку.

— Вот, значит, какая ты выросла. Здравствуй, Ника. Рад приветствовать тебя в Замке Горгулий.

Я с трудом сглотнула и глухо отозвалась:

— Ну, здравствуй, *nana*.

Глава 2

До девятнадцати лет я жила совершенно обычной жизнью и пребывала в уверенности, что отца у меня вовсе нет, поскольку отчество — Алексеевна — было позаимствовано у деда. Как и фамилия Матвеева. Конечно, чисто биологически второй родитель должен был когда-то быть, но сначала я считала, что он умер еще раньше мамы, а где-то в седьмом классе заподозрила, что папаша жив-здоров, просто бросил нас сразу после моего рождения. Дядя, в чьей семье я воспитывалась, оставшись сиротой, не подтверждал эту догадку, но и не опровергал, сколько бы ни спрашивала. Поэтому спрашивать я перестала.

Не скажу, что мое детство было плохим. И дядя, мамин брат, и тетя, его жена, любили и хорошо обо мне заботились. Их сын тоже никогда не обижал, даже иногда защищал на правах старшего брата. Правда, по-настоящему близки мы так и не стали: каждый зависал в своей компании.

Но сколько себя помню, во мне всегда жила злость. Порой задавленная, задушенная, порой прорывающаяся острыми и режущими как бритва ростками. Я злилась и на бросившего меня отца, и на рано умершую мать, иногда даже на дядю с тетей, но чаще всего — на себя саму.

Это не шло на пользу ни моему характеру, ни учёбе в школе, ни общению со сверстниками, ни жизни в целом. Я выбирала компанию таких же обиженных на мир детей, с которыми тайком курила за школой, пила пиво, слушала тяжелую музыку, порой тусовалась вместо того, чтобы делать уроки, лазила то по законсервированным стройкам, то по заброшенным заводам, снимая дурацкие видео ради пяти минут славы в интернете. Я красила ногти в черный цвет, густо подводила глаза и носила длинную челку, из-под которой было удобно смотреть на людей с презрением. Учителя всегда говорили, что я плохо кончу. Учитывая главное правило моей жизни, сомневаться в этом не приходилось. Время от времени неприятные ситуации случались, и местный инспектор по делам несовершеннолетних знала меня в лицо, но серьезных проблем каждый раз удавалось избежать.

Я все-таки умудрялась как-то учиться, удержалась от татуировок, а пирсинг ограничился маленьким колечком в носу и парой дополнительных дырочек в ушах. И главное: мне хватило мозгов не связываться с наркотиками и теми, кто их употреблял. Экзамены в девятом классе сдала весьма терпимо, после чего радостно свалила из школы в колледж, чтобы поскорее освоить специальность в области информатики и программирования. Мир информационных технологий привлекал возможностью весь рабочий день сидеть, уткнувшись в монитор и врубив в наушниках любимую музыку, и почти не общаться с другими людьми. Ну, и платят, как я знала, в этой сфере хорошо, а специалистов всегда не хватает.

Реальность оказалась чуть сложнее ожиданий. Звезд с неба я определенно не хватала и на фоне других учеников выглядела в лучшем случае середняком. Чем глубже в профессию мы погружались, тем очевиднее становилось, что мозги мои устроены как-то не так. Это означа-

ло, что больших высот я едва ли достигну, но и без работы вряд ли останусь. А на удаленке я смогла бы работать даже на какую-нибудь столичную фирму, получая очень неплохие для нашего города деньги.

В общем, когда все это случилось, я предвкушала взрослую жизнь, свободную от ограничений и запретов дядиного дома. Наверное, так бы все и произошло, если бы не главное правило моей жизни.

За два дня до того, как я переступила порог Замка Горгулий, мы с приятелями отмечали окончание учебы в колледже. Мне и на выпускном в девятом классе удалось раздобыть бутылку дешевого игристого вина, а тут уж все участники успели достичь совершеннолетия, многие подрабатывали, так что с алкоголем проблем у нас не наблюдалось. Один парень и вовсе притащил бутылку виски. То ли у отца подрезал, то ли решил шикануть и купил. А возможности свои я знала не так уж и хорошо, потому, конечно, не рассчитала.

В итоге очнулась посреди ночи непонятно где. Определенно не в квартире одного из наших, где проходило отмечание. Было прохладно и твердо, чем-то воняло, тело ломило, а руки казались липкими. В голове гудело, глаза закрывались, во рту было мерзко, а в желудке неспокойно. Я оттолкнулась от шершавого асфальта, едва осознавая, что валяюсь на улице, как какой-то пьяный бомж, осторожно села и попыталась осмотреться. То, что увидела, грозило еще долго сниться в кошмарах.

Я обнаружила себя позади сетевого магазина рядом с нашим домом. Здесь разгружали товар, а поблизости стояли мусорные баки, в которые выкидывали просрочку и окончательно скнившие овощи и фрукты. Из них и воняло. Но испугало не это.

На асфальте вокруг меня лежали трое парней. Или мужиков, я не всматривалась и возраст определить не смогла. Все явно были мертвые, жестоко исполосованы

ножом или чем-то похожим. Опять же: в ночной полутиме было не так уж хорошо видно. Вот только кровь я видела отчетливо. Она была повсюду: на растрескавшемся асфальте, на телах, на моей одежде и руках.

Я плохо соображала, но одна мысль в голове сформировалась довольно отчетливо: тот, кто их убил, может вернуться за мной. Поэтому я вскочила настолько резво, насколько позволяло мое состояние, и бросилась бежать. Домой, к дяде.

Дорогу я почти не помню, снова мыслить связно начала, только ворвавшись в родной подъезд и захлопнув за собой дверь с кодовым замком. Мои мысли развернулись в совершенно другом направлении. Кто эти люди? Почему мы оказались вместе в таком подозрительно укромном месте? Почему на моей рубашке не хватает пуговиц, а пропавшие вырваны буквально с корнем? По всему выходило, что эти трое могли напасть на меня с понятно какими намерениями, а потом...

Вот что произошло потом, я не могла предположить. Кто-то вступил и убил их? Но почему тогда меня бросили рядом с их телами? Не могла же я сама убить троих, а потом потерять сознание? Как минимум я была без оружия.

Или что-то подходящее подвернулось под руку? А если я его просто не заметила в темноте, а оно осталось там валяться. С моими отпечатками. Впрочем, и без оружия с отпечатками меня легко могли обвинить в тройном убийстве. У нас ведь такие дела быстро раскрываются по горячим следам. Кто был рядом с трупом, тот и убийца. Припомнят все мои подростковые подвиги, глазом моргнуть не успею, как уже в тюрьме окажусь.

К тому моменту, как добралась до квартиры дяди, я, крупно дрожа, окончательнопротрезвела от ужаса. В голове крутилась единственная мысль: «Мне конец».

К счастью, дядя был дома один. Тетка последние годы не работала, поэтому еще в мае перебиралась на дачу, где он навещал ее по выходным. Их сын еще в прошлом году снял квартиру на двоих с приятелем и жил отдельно.

По тому, как быстро дядя открыл дверь, я поняла, что он не спал. Наверное, меня ждал. Возможно, даже пытался дозвониться. Только тогда я осознала, что не знаю, где находится мой телефон и сумка с деньгами и документами.

Мой вид дядю, конечно, напугал, но в первую очередь он решил, что я ранена. Убедившись, что со мной все в порядке, немного успокоился и потребовал объяснений. Я рассказала ему все как на духу, включая собственные соображения по поводу дальнейшего развития событий. Под конец заливалась горючими слезами и нервно икала, не представляя, что делать дальше.

Дядя отправил меня в душ, заявив, что нужно избавиться от перепачканной в крови одежды. Даже помог снять рубашку, но дальше я его застеснялась и попросила выйти из ванной. Он мне, конечно, как отец, но я все-таки уже не маленькая девочка. Дядя почему-то не сразу отреагировал, задумчиво пялясь на мою спину. Только когда я повторила просьбу, вышел, забрав рубашку и велев выкинуть за дверь джинсы, как только сниму их. Я послушалась. Не тот случай, когда я могла позволить себе дать волю духу противоречия.

Когда я вышла из ванной, закутавшись в халат, квартира оказалась пуста и темна, а за окном уже светало. На столе в кухне лежала записка с коротким распоряжением: «Будь дома, никому не открывай, свет не включай, к телефону не подходи. Лучше поспи немножко». Я прилегла на диван в гостиной, не надеясь уснуть, но отключилась практически мгновенно.

Впрочем, поспать долго не удалось, хотя дядя так и не вернулся. Весь день я просидела в квартире тише

воды ниже травы. Кажется, даже телевизор ни разу не включила. Забившись в угол дивана, прислушивалась к тишине и любому возникающему шуму. Все ждала, когда в дверь начнут ломиться полицейские, но те так и не пришли.

Дядя вернулся вечером в привычный час, из чего я сделала вывод, что он провел день на работе, как и следовало. Я была готова вызвериться на него, у меня от бесконечно длинного дня и постоянного страха уже крыша ехала, но он с порога огорошил тихим распоряжением:

— Одевайся. Возьми сумку. Много вещей не клади, просто на пару дней пути. Белье там, гигиенические принадлежности... Всякое такое. На месте тебя обеспечат всем необходимым.

— На каком месте? — пискнула я и сама на себя разозлилась за этот жалкий тон.

— Увидишь. Одевайся.

Я не стала расспрашивать. Дядя выглядел решительно и немного печально, и я поняла, что ударяюсь в бега, а не просто собираюсь пересидеть где-то бурю. Что ж, это лучше, чем тюрьма.

Из дома мы вышли, когда основной поток людей, возвращающихся с работы, иссяк. Дожидаться темноты дядя не стал: в начале лета она опускалась довольно поздно, а нам, как я понимала, еще предстояло куда-то ехать.

Дорога заняла добрых полтора часа, мы выбрались далеко за пределы нашего не слишком большого города. Остановились на пустыре у кромки леса, где дядя сообщил, что дальше придется пройтись. Уже темнело, внизу между деревьями и вовсе сгостились плотные сумерки, но верхушки особо высоких пока еще ярко освещало солнце. Было тепло, но поднимался порывистый ветер, словно надвигалась буря.

— Ты что, решил от меня избавиться? — нервно усмехнулась я, когда мы шагнули в не очень густые заросли. — Прикопаешь где-нибудь здесь?

Место не производило гнетущего впечатления и не казалось опасным, сюда наверняка ломятся толпы грибников и любителей пикников, но я не понимала, почему дядя привез меня именно сюда. Не хочет же он, чтобы я поселилась в лесу? Я ведь должна два дня куда-то ехать.

Дядя повернулся ко мне, но не улыбнулся, только вздохнул и признался, как ушат холодной воды на голову вылил:

— Нет, я отправляю тебя к отцу. Там тебя никто и никогда не найдет. Я посмотрю, как здесь будут развиваться события, и если все обойдется, то ты сможешь вернуться.

По его тону стало понятно, что ему мало в это верится.

— Меня уже ищут, да?

Он мрачно кивнул.

— Ты попала на какую-то камеру, когда убегала с места происшествия. Думаю, они пока не нашли твою сумку с документами, поэтому не знают имени и адреса, но это лишь вопрос времени. Правосудие наше скоро на расправу и дальше первого подходящего подозреваемого редко ищет, поэтому играть в эту рулетку я не хочу. Отец о тебе позаботится. Я думаю.

Только когда слово прозвучало снова, до меня наконец дошел его смысл.

— Значит, он все-таки жив? — фыркнула я, а потом притормозила и огляделась по сторонам. — Он что, отшельник? Лесник? Бандит, тоже скрывающийся от меня? Почему мы встречаемся с ним здесь?

— Не с ним, — кратко отозвался дядя, не сбавляя ход. — С проводником, который тебя к нему доставит.

Мне пришлось снова зашевелиться, чтобы не отстать, но перед тем, как я нашла слова для дальнейших распросов, дядя все-таки притормозил. Я проследила за его взглядом и тихо охнула.

Для каждого, кто когда-либо промышлял неформальным туризмом, то есть, проще говоря, лазил по заброшенкам, это место было сродни Атлантиде. Кто-то мечтал его найти, другие в него не верили, но знали о нем все. Только не знали, где именно оно находится. Оказалось, вот где.

Заброшенный железнодорожный туннель длиной с полкилометра. Значит, где-то здесь, у нас под ногами, должны находиться и сохранившиеся рельсы. Но все так заросло, что туннель сперва можно было принять за вход в пещеру или дырку в холме. Если бы не видела фотографию, которую большинство считали фейком и монтажом, я бы тоже не сразу сообразила, что к чему, но когда-то я мечтала сюда попасть. Это место буквально снилось мне с тех пор, как я впервые о нем услышала.

— Что все это значит? — едва ли не шепотом поинтересовалась я, не в силах отвести взгляд от темного провала.

То ли туннель изгибался, то ли другой его конец находился слишком далеко, то ли был давно завален, но света внутри не было совсем. Из-за сгущающихся вечерних сумерек место выглядело жутко. У меня ведь даже фонарика с собой нет...

— Я никогда не рассказывал тебе о твоем отце, потому что он не из этого мира, — тем временем «объяснил» дядя. И стало совсем непонятно.

— В смысле — не от мира сего?

Зародилось подозрение, что меня просто разыгрывают. И все это: мертвые мужики на задворках магазина, наша поездка за город, треклятый туннель — части